

Мартьянов Денис Сергеевич

АНОНИМНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ КИБЕРКУЛЬТУРЫ

В статье рассматривается анонимность как характерная для киберкультуры политическая постматериалистическая ценность. Определены субъектный и объектный типы анонимности и их связь с политическим режимом. Выявлен характер влияния анонимности на конструирование идентичностей и ревизию феномена политического. Рассмотрен феномен стирания границ между приватной и публичной сферами. Выявлены сдвиги в восприятии анонимности как ценности, обусловленные развитием технологий Веб 2.0. Рассмотрен феномен нарциссизма как новой ценности Интернета.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/26.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2013. № 12 (38): в 3-х ч. Ч. III. С. 116-119. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2013/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

отдельных узких аспектов реальности. На наш взгляд, претензия на методологический универсализм в рамках как классических, так и постнеклассических подходов неоправданна и некорректна. Тенденция «радикализации» антиномического концепта социально-исторической реальности может в будущем смениться либо возвратом к классическим оппозиционным структурам мышления, либо продолжить свое движение и, возможно, таким образом разрушить устоявшиеся антиномические модели описания социально-исторической реальности, которые по-прежнему оказывают значительное влияние на историческую методологию.

Список литературы

1. Гуссерль Э. Собрание сочинений / пер. с нем. В. И. Молчанова. М.: Гнозис; Дом интеллектуальной книги, 2001. Т. 3. Логические исследования. Т. II. 489 с.
2. Деррида Ж. Голос и феномен / пер. с франц. С. Г. Кашина, Н. В. Суслова. СПб.: Алетейя, 1999. 208 с.
3. Дьяков А. В. Жиль Делёз. Философия различия. СПб.: Алетейя, 2012. 504 с.
4. Кант И. Критика практического разума. Изд-е 2-е. СПб.: Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН, 2007. 528 с.
5. Мальцева Н. Н. Возможности и границы применения синергетики в философии истории // Научные ведомости. Серия: Философия. Социология. Право. Белгород: Белгородский государственный университет, 2011. № 2. С. 298-304.
6. Пригожин И., Стенгерс И. Порядок из хаоса: новый диалог человека с природой / пер. с англ. и общ. ред. В. И. Аршинова, Ю. Л. Климонтовича и Ю. В. Сачкова. М.: Прогресс, 1986. 432 с.
7. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре / общ. ред. и предисл. А. Ф. Зотова. М.: Республика, 1998. 413 с.
8. Сапронов М. В. Концепции самоорганизации в общественности: мода или необходимость? // Общественные науки и современность. М.: Издательство Президиума РАН, 2001. № 1. С. 148-161.
9. Соловьева И. М., Полетаев А. В. История и время. В поисках утраченного. М.: Языки русской культуры, 1997. 800 с.
10. Шелер М. Избранные произведения / пер. с нем. А. В. Денежкина, А. Н. Малышкина, А. Ф. Филипова; под ред. А. В. Денежкина. М.: Гнозис, 1994. 490 с.

**ANTINOMIC CONCEPT OF SOCIAL-HISTORICAL REALITY
IN CLASSICAL AND POSTNONCLASSICAL SCIENCE**

Luk'yanenko Anton Aleksandrovich

*Tyumen State University of Architecture and Civil Engineering
anton_lukyanenko@bk.ru*

Basing on antinomic analysis the author considers the possibility of the methodological synthesis of classical and postnonclassical approaches to social-historical reality in historical science. It is suggested to compare the classical Kantian concept of thinking with modern postnonclassical approaches to social-historical reality. The possibilities and limits of post-structuralist and synergistic approaches application to social-historical reality within the framework of the classical antinomic concept of thinking are considered.

Key words and phrases: antinomy; history; concept; methodology; post-structuralism; reality; synergy; transcendentalism.

УДК 32.019.51

Политология

В статье рассматривается анонимность как характерная для киберкультуры политическая постматериалистическая ценность. Определены субъектный и объектный типы анонимности и их связь с политическим режимом. Выявлен характер влияния анонимности на конструирование идентичностей и ревизию феномена политического. Рассмотрен феномен стирания границ между приватной и публичной сферами. Выявлены сдвиги в восприятии анонимности как ценности, обусловленные развитием технологий Веб 2.0. Рассмотрен феномен нарциссизма как новой ценности Интернета.

Ключевые слова и фразы: анонимность; Интернет; киберкультура; нарциссизм; политические ценности; политическое сознание; постматериалистические ценности.

Мартьянов Денис Сергеевич, к. полит. н.

*Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена
martyanoff@mail.ru*

АНОНИМНОСТЬ КАК ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЦЕННОСТЬ КИБЕРКУЛЬТУРЫ[©]

Актуальной, но слабо рассмотренной темой отечественной политической науки является трансформация политических ценностей в результате распространения киберкультуры. Целью данной статьи является выявление динамики политических ценностей киберкультуры на примере анонимности. Цель предполагает решение следующих задач.

1. Выявление места анонимности в системе политических ценностей.
2. Выделение типов анонимности применительно к политической сфере.
3. Определение функций анонимности в контексте дихотомии «приватное» – «публичное».
4. Сравнительный анализ ценностей анонимности и нарциссизма в связи с переходом технологий Интернета от парадигмы Веб 1.0 к Веб 2.0.

Традиционно под политическими ценностями понимают совокупность ценностных установок, ориентаций и представлений, оказывающих непосредственное влияние на способы принятия решений и формы участия в политическом процессе, на выбор средств и методов деятельности и целеполагания в политике [2]. Среди классификаций политических ценностей особо необходимо выделить теории Ш. Шварца и Р. Инглхарта. Теория ценностей Ш. Шварца предлагает 4 мотивационных блока ценностей: ценности сохранения (безопасность, конформность, традиция), ценности открытости к изменениям (самостоятельность, стимуляция, гедонизм), ценности самопреодоления (универсализм, благожелательность) и ценности самовозвышения (власть, достижение, гедонизм). Р. Инглхарт разделяет материалистические (предпочтение материальной и физической безопасности) и постматериалистические (свобода, участие, самовыражение, красота) ценности. В дальнейшем это разделение было названо измерением ценностей «выживания/самовыражения», к которому было добавлено измерение «традиционные/секулярно-рациональные ценности» [5]. В обеих классификациях заметно определенное противопоставление ценностей, связанных с безопасностью, ценностям, связанным со свободой. В этой связи представляет интерес исследование анонимности как киберкультурной ценности, включающей в себя одновременно аспекты свободы и безопасности.

В первую очередь, необходимо сказать, что тип анонимности связан с политическим режимом. Первый тип характерен для массовых обществ и может быть проиллюстрирован как аноним-субъект на примере анонимных доносов в тоталитарных странах. «Фразеология тоталитарной культуры полна уклончивых формулировок: «кое-где», «в ряде случаев», «не всегда» и т.п.» [6]. Однако куда чаще аноним выступает в качестве объекта: «Эстетический смысл анонимности яснее всего обнаруживается в институте коллективных наградений, когда знаки отличия выдаются не личностям, но учреждениям, городам и т.п.» [Там же]. Аноним выступает в массовом обществе усредненным членом массы и лишен индивидуальности. Он как бы растворяется в массе.

Другой тип анонимности обнаруживается при рассмотрении этого феномена в рамках киберкультуры. Такая субъектная анонимность представляет собой возможность формирования альтернативных идентичностей. В этом отношении анонимность выступает не как обезличенность, а как акт творчества, характерный для постматериалистической эпохи. Творчество начинается с первых шагов формирования сетевого ника и распространяется на дальнейшее конструирование виртуальной идентичности. Таким образом, анонимность предстает как определенное обнуление реальной идентичности, на базе которого становится возможным конструирование множества новых идентичностей. С одной стороны, если говорить о реальной политике, то мы имеем дело с эскапизмом тех, кого политическая система не смогла мотивировать для политического участия. Киберкультура претендовала на ревизию содержания политического. Политическое в Интернете стало находить себя в аполитичности как новом отношении к реальной политике, что позволило переформулировать тезисы анархистов в рамках киберкультуры. С другой стороны, новые идентичности предполагают и создание новых социальных общностей (виртуальных сообществ), которые вырабатывают собственные квазиполитические формы, а политическое обретает формы игры, симуляции. Политика из технологии в реальном мире в технологичном мире Интернета снова становится сродни творчеству и искусству.

Виртуальную анонимность скорее следует рассматривать в рамках метафоры «маска», противопоставленной более авторитарным «чадре» и «парандже». Недаром именно маска Гая Фокса становится символом хактивистской группы «Anonymous». Киберкультура всегда ориентировалась на демократичную культуру маскарада. Показательным здесь выступает феномен кибертуризма, предполагающего постоянное перевоплощение за счет смены идентичности в сети. Показательным примером развиртуализации такой анонимности является показ мод *Gareth Pugh Spring/Summer 2013*, в котором дизайнерами была создана одежда, одновременно подчеркивающая индивидуальность и скрывающая лицо. Но маска выступает не только в качестве легко сменяемого продукта свободного творчества, но и в качестве защиты от посягательств, гарантии безопасности.

Впрочем, современное европейское государство последовательно здесь в своем «раздевании» физической и виртуальной телесности как в случае с маской, так и в случае с паранджой. Безопасность требует обнажения, паноптичности, что свидетельствует также о смене вектора политики в сторону материалистической парадигмы. С другой стороны, сам факт такого обнажения как бы вводит политику в рамки дисциплинирующего телесного дискурса. Классическая киберкультура пропагандирует отказ от привычной телесности. Государство, напротив, настаивает на легком обнажении тела для упрощения идентификации. Без маски субъект становится объектом.

Материалистический аспект безопасности отчетливо проявляется в рамках стирания границ между приватной и публичной сферами. Феномен приватного включает те аспекты жизни, которые личность старается держать подальше от публичного внимания. Модерн сформировал традиционное представление о «приватном» как феномене, имеющем отношение к (1) домашнему хозяйству, (2) порядку рыночной экономики, (3) сфере ассоциаций гражданского общества [8, с. 59]. В дальнейшем дихотомия «приватное» – «публичное» была концептуально пересмотрена в рамках феминистской парадигмы, выступавшей за размывание границ между этими сферами. Однако куда большее влияние оказали процессы развития масс-медиа. Дж. Урри, соглашаясь с П. Скэннеллом, связывает развитие публичности с возникновением телевидения и радио [7, с. 103-104].

Масс-медиа переносят публичный мир в частную жизнь индивида, способствуя реперсонализации мира. Частная жизнь людей посредством телевидения превращается в публичную в момент трансформации мира в «глобальную деревню». Однако тотальное растворение приватного в публичном затруднялось тем, что телевидение фокусируется на ограниченном числе частных случаев. Приватное растворялось в публичном, прежде всего, для «публичных персон», что свидетельствовало о синоптической модели восприятия мира [12], в то время как остальные могли лишь мечтать о «минутах славы», позволяющих и им деприватизировать свои жизни. Уже в этот момент стремящийся к деприватизации своего пространства индивид сталкивается с ценностным противоречием: стремление обезопасить себя сталкивается с нарциссистским стремлением прославиться.

Проблема «публичное» – «приватное» претерпевает изменения с распространением Интернета. До появления Веб 2.0 отношения публичного и приватного можно определить как дуалистические. С одной стороны, публичное поглощало личное, уравнивая две эти сферы и стирая границы между ними. С другой стороны, налицо было постмодернистское торжество девиантного приватного. Именно приватное способно доставлять ощущение новизны, удивлять. И именно оно задает моду на уникальность (или в радикальной форме моду на ненормальность), являя реванш безумия над рациональностью. Речь шла бы о колонизации публичного приватным, если бы это не происходило именно в силу тотальности публичного.

Стремление сохранить публичное пространство вкупе с постматериалистским стремлением реализовать креативный потенциал способствовали возвышению анонимности как новой ценности. Как отмечает Скэннелл, в дотелевизионную эпоху публичная жизнь обнаруживала себя в качестве чего-то анонимного, безликого и далекого. В раннем Интернете анонимность стала выступать как средство защиты от тотальной публичности. Анонимность гарантирует сохранение синоптического образа мира и, напротив, не допускает его паноптического моделирования, установления таких принципов идентификации, которые бы способствовали реализации оруэлловской концепции «большого брата». Другими словами, именно кажущаяся анонимность гарантировала свободу в Интернете.

Постепенно происходила концептуализация анонимности в политическую идеологию, нашедшую свое отражение в движении киберанархистов и криптоанархистов [3]. Анонимность, дополненная технологией, давала возможность уходить от налогообложения, создавать синоптические анонимные ресурсы в духе «Викиликс», тем самым ставя новые угрозы перед государством.

Веб 2.0 внес серьезные коррективы в развитие Интернета в целом и в отношении к анонимности в частности. Первый аспект заключается в развиртуализации Интернета, колонизации виртуального мира реальным. В социальных сетях всячески поощряется позиционирование пользователя как реального человека с реальным именем. Второй аспект заключается в усиливающемся регулировании сети Интернет государством. Все это способствовало девальвации анонимности как ценности.

Пионеры Интернета отмечают произошедший за последнее десятилетие «сдвиг в сознании», поскольку анонимность стала восприниматься новыми пользователями как признак нечистой совести, ненормальность. Более того, «даже для того, чтобы скачивать пиратские копии фильмов и музыкальных композиций, теперь регистрируются под собственными именами» [1].

Впрочем, дуалистическое отношение к анонимности в государственном сознании развитых постглобалистских демократий существует и поныне. Анонимность продолжает по-разному рассматриваться в контексте «хороших» и «плохих» государств. Анонимность рассматривается как допустимое средство, гарантирующее безопасность от «плохого» государства, в то время как в рамках «хорошего» государства анонимность выступает как угроза общественным интересам.

Тонкость грани между «плохими» и «хорошими» государствами в понимании пользователей отчетливо видна на примере исследования Венского университета, произведенного после скандала с Э. Сноуденом и последовавшего за ним оттока участников сети *Facebook*. 48,3% пользователей мотивировали удаление своих страниц угрозой приватности [9].

Определенная дискуссия разворачивается вокруг влияния анонимности на рост асоциального поведения. Традиционно считается, что анонимность подразумевает безнаказанность, приводящую к распространению ненормативной лексики в сети, троллингу, флейму и т.д. Проведенное исследование в среде характерных для Веб 1.0 чатов *IRC* показало, что, несмотря на анонимный характер сообщений, 85% пользователей соблюдали все нормы приличия [11]. Напротив, исследование ученых из университета Западного Иллинойса показало, что социальные сети как раз формируют агрессивное нарциссистское поведение [10].

Однако усиление регулирования было бы невозможно без последовательного формирования «третьего лица власти» как контроля над ценностями. Анонимность как ценность паноптикума заменяется синоптической ценностью нарциссизма. Веб 2.0 персонализирует интернет-пространство (*MY space*), делает акцент на самопрезентации (*FACEbook*), тем самым культивируя нарциссизм [13, p. 107-108]. Нарциссизм предстает конвенциональной формой «опубличивания» приватности, одобряемым системой эксгибиционизмом. Публичная сфера стирает границу между интимностью и публичностью. Р. Барт называет это «публичностью приватного», «новой общественной ценностью», подчеркивая, что это «взрыв приватного на публике» [8]. Также необходимо выделить смещение в шкале «нарциссизм» *VS* «альтруизм», связанное с культивированием эгоистических представлений интернет-пользователей вместо коллективных ценностей. Дело в том, что анонимность предполагает творчество без тщеславия. Нарциссизм нацелен на монетизацию собственной презентации, извлечение выгоды из конструирования собственного имиджа. В целом нарциссизм более

материалистичен как ценность в смысле Инглхарта, чем анонимность. Данная проблема накладывается на проблему подвижности этических норм в эпоху постмодерна [4].

Последние годы в России в политических дискуссиях обозначилась тема ограничения анонимности в Интернете. Данные инициативы, хоть и выступают в качестве мер, направленных на уничтожение традиционной киберкультуры, вполне соответствуют логике мирового наступления государства на Интернет, а также технологической парадигме Веб 2.0. Анонимность на современном этапе развития Интернета становится уходящей ценностью, характерной для ранней киберкультуры.

По результатам анализа можно сделать следующие выводы.

1. Анонимность является современной постматериалистической ценностью, приобретающей важное значение в контексте развития киберкультуры и конвергенции частного и публичного.

2. Применительно к политическим режимам и различным стадиям развития общества можно говорить об объектной анонимности и субъектной анонимности, более характерной для киберкультуры.

3. Функциональная значимость анонимности проявляется в рамках информационной безопасности, защиты приватности, а также возможности репрезентации личности посредством альтернативных конструируемых идентичностей.

4. В условиях перехода к Веб 2.0 анонимность постепенно замещается ее противоположностью – нарциссизмом. Нарциссизм является ценностью, участвующей в конструировании паноптического информационного пространства, в котором публичное минимизирует приватность. На смену классической киберкультуре, предполагавшей индивидуализм, приходят ценности контролируемого и конструируемого «сверху» коллективизма.

Таким образом, в целом можно говорить об определенном кризисе классической киберкультуры и создании благоприятной почвы для «управления Интернетом» и усиления позиций государства в киберпространстве.

Список литературы

1. **Довженко О.** На смерть анонимности [Электронный ресурс]. URL: <http://www.meowmeow.com.ua/portfolio/na-smert-anonimnosti/> (дата обращения: 10.09.2013).
2. **Кулябцева В. Н.** Политические ценности и их трансформация в условиях современной России: автореф. дисс. ... к. полит. н. М., 2004. 21 с.
3. **Мартьянов Д. С.** Виртуальные идеологии и кризис идеологий в информационном обществе // Ученые записки Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета им. Н. Г. Чернышевского. Чита, 2013. № 4. С. 77-83.
4. **Мартьянова Н. А.** Трансформация профессиональной этики в эпоху постмодерна // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 10. Ч. 2. С. 112-115.
5. **Павленко О.** Ценности Шварца /s. Ценности Инглхарта [Электронный ресурс]. URL: <http://psy.hse.ru/news/33155183.html> (дата обращения: 12.09.2013).
6. **Раппапорт А. Г.** К эстетике тоталитарных сред [Электронный ресурс]. URL: http://papardes.blogspot.ru/2009/10/blog-post_20.html (дата обращения: 12.10.2013).
7. **Урри Дж.** Социология за пределами обществ: виды мобильности для XXI столетия. М., 2012. 336 с.
8. **Шкудунова Ю. В.** Публичная приватность или приватная сфера государства // Наука о человеке: гуманитарные исследования: научный журнал. 2009. № 3. С. 56-60.
9. **Cyberpsychology, Behavior, and Social Networking** [Электронный ресурс]. URL: <http://online.liebertpub.com/doi/full/10.1089/cyber.2012.0323> (дата обращения: 12.09.2013).
10. **Facebook's 'Dark Side': Study Finds Link to Socially Aggressive Narcissism** [Электронный ресурс]. URL: <http://www.theguardian.com/technology/2012/mar/17/facebook-dark-side-study-aggressive-narcissism?cat=technology&type=article&view=mobile> (дата обращения: 10.09.2013).
11. **Garas A., Garcia D., Skowron M., Schweitzer F.** Emotional Persistence in Online Chatting Communities [Электронный ресурс]. URL: <http://www.nature.com/srep/2012/120510/srep00402/full/srep00402.html#/affil-auth> (дата обращения: 10.09.2013).
12. **Mathiesen T.** The Viewer Society: Michel Foucault's "Panopticon Revisited" // Theoretical Criminology. 1997. № 1-2. P. 304-325.
13. **Twenge J. M., Campbell K. W.** The Narcissism Epidemic: Living in the Age of Entitlement. Free Press, 2009. 343 p.

ANONYMITY AS POLITICAL VALUE OF CYBERCULTURE

Mart'yanov Denis Sergeevich, Ph. D. in Political Sciences
Herzen State Pedagogical University of Russia
martyanoff@mail.ru

The article considers anonymity as a political post-materialist value typical of cyberculture. The subjective and objective types of anonymity and their connection with the political regime are determined. The character of anonymity influence on the construction of identities and the revision of the phenomenon of political is revealed. The phenomenon of erasing the boundaries between private and public spheres is considered. The shifts in the perception of anonymity as a value conditioned by the development of Web 2.0 technologies are identified. The phenomenon of narcissism as a new value of the Internet is considered.

Key words and phrases: anonymity; Internet; cyberculture; narcissism; political values; political consciousness; post-materialist values.